

Москва — город маленький. То есть, конечно, когда вам надо за один вечер побывать в трех местах, заскочить на минутку в Теплый Стан, смотаться в Орехово и еще заглянуть в Свиблово по срочному делу — тогда Москва город большой, даже слишком. Но встретить в Москве в компании совсем незнакомого человека невозможно: или его мама и ваша в одной школе учились, или его жена с вашей подругой в детстве на каток ходили, или вы сами вместе водку пили, да убей бог, не вспомнить где.

Тем не менее Елене удалось привести в дом человека, с которым у нее не было решительно никаких общих знакомых.

Августовским вечером 198* года Елена бесцельно брела по Тверскому бульвару и раздумывала о разных разностях. Посвежело, улеглась дневная пыль, пахло липами и бензином. Прозрачные легкие московские сумерки в тени бульвара были позолочены светом рано зажегшихся фонарей. Шум улицы Горького постепенно стихал за спиной, слева белые неоновые прожектора освещали мрачное здание нового МХАТа, справа уютно горели окна театра Пушкина. По бульвару лениво текла нарядная толпа. Изящные длинноногие девушки со стройными догами и доберман-пинчерами, демократическая интеллигенция — хозяйева ушастых вертлявых пуделей, пожилые мужчины и солидные пары с фокстерьерами, коккер-спаниелями и бассетами — низкими, длинными, с загнутым вверх хвостом, похожими на троллейбус.

На белых скамейках уже начали появляться влюбленные пары. Сидели в обнимку, но целоваться стеснялись — ждали темноты. Меркнувший свет гримировал лица, все женщины казались красивыми.

У Елены на душе было мутно. Поводов для тоски и недовольства собой было предостаточно: кончалось лето, развалилась в очередной раз личная жизнь, а вместе с ней и планы на отпуск в Коктебеле, денег не было, сигарет осталось меньше полпачки, все знакомые куда-то разъехались, даже брат был на даче, а следовательно, предстоял одинокий вечер. Одинокие же вечера обычно кончаются самоедством — годы идут, жизнь как-то проходит суетливо, чадно и грешно, все пьянство да блядство, да и оглядываясь, видим лишь руины, и, опять же, ни страны, ни погоста. К тому же мать позвонит и будет спрашивать драматическим голосом, почему Елена не едет в Коктебель, и что произошло с Сергеем, и почему Елена опять разрушает жизнь, вместо того чтобы созидать — мать очень любит слова "созидать", "катастрофа" и "бездуховность". Елена даже застонала вслух, встряхнула головой и в отчаянии огляделась вокруг в поисках избавления. Ее внимание привлек нетрезвый человек, расслабленно сидящий на скамейке. Пьян он был изрядно, но на обычного алкоголика не похож. Одет в бело-синюю ковбойку и голубые джинсы, слишком здоровый для представителя интеллигентной профессии, русые волосы, лицо доброго и немного обиженного жизнью атлета. "Красив, но не моего романа", —

подумала Елена. Ей нравились худые, одухотворенные, изнеженные аристократы с нервными музыкальными пальцами. Вдруг незнакомец окликнул ее приятным низким голосом:

— Извините, пожалуйста, у вас не найдется спичек?

Елена с удовольствием остановилась, нашла спички, прикурила сама и произнесла какую-то дежурную фразу. В таком настроении она была готова познакомиться с кем угодно. Елена доброжелательно отвечала на обычный пошлый вздор — прекрасный вечер, очаровательная девушка и совершенно одна, не надо ли проводить. Потом ее случайный собеседник поинтересовался, любит ли она армянский коньяк. Коньяка у него, дескать, целая бутылка, а выпить ее негде и не с кем. Елена опешила, открыла рот для достойного ответа, но тут ей вновь представились все прелести одинокого вечера, и она неожиданно для самой себя пригласила его в гости.

Через минуту она и пьяный, но старавшийся идти ровно человек свернули с бульвара в подворотню и побрели по паутине переулков. В зябкой прохладе вечера, в усталой поблекшей зелени деревьев уже чувствовалась осень. Мягкая желтоватая пыль скопилась в выбоинах серого старого асфальта. Со стороны Южинского переулка тянуло запахом горячего хлеба. Лица прохожих — усталых женщин с авоськами, мужчин с портфелями — "дипломатами", топтунов, охраняющих правительственные дома, казались

Елене смутно знакомыми, как всегда, когда она приближалась к дому. Даже от темных, мрачных елей, окружавших "номенклатурный" дом из светлого кирпича, веяло покоем и безопасностью. Елена не нервничала и не боялась, но, слушая вялые, тривиальные комплименты, она уже раскаивалась в своем безрассудном порыве. Сбежать мешало чувство неловкости. Манеры ее спутника особой тревоги не вызывали, но глаза у него казались не то чтобы больными, но какими-то очень печальными, как у только что постриженного пуделя.

Дома произошло непредвиденное. Елена провела гостя в кухню, а сама пошла в ванную привести себя в порядок. Когда она вернулась, он крепко спал, уронив голову на стол. Обещанная бутылка коньяка стояла перед ним нераспечатанной.

Растолкать здорового пьяного мужика — задача не простая, но Елене все же удалось перекантовать его в комнату и сгрузить на диван. Вернувшись в кухню и рассудив, что вечер с коньяком лучше вечера без коньяка, она вскрыла бутылку.

Вскоре позвонила мать, и, получив свою порцию родительской ласки, Елена почти забыла о человеке, храпящем на диване. Коньяк плавно делал свое дело, и вскоре Елена примирилась с действительностью и своей нескладной судьбой. В кухне было уютно, желтый круг настольной лампы выхватывал из темноты кусок зеленой клетчатой скатерти, синюю круглую чашку с розой на боку, хрустальную рюмку, криво отрезанный лимон на блюде, надкусанную шоколадную конфету. Из

полумрака матово отсвечивали белые дверцы кухонных шкафов. В квартире было темно и тихо, слабый незнакомый храп, посапывание и постанывание не мешало, а, наоборот, успокаивало. "Все-таки дышит, сучок", — усмехнулась Елена. Она уселась поудобнее на стуле, поджав под себя ноги, и попробовала было читать, но вскоре отвлеклась. Мысли перетекали, переливались одна в другую в коньячной истоме. Елена начала прозревать какую-то высшую истину, которую никак не удавалось выразить словами. Она попыталась приблизить истину, выпив еще, но почувствовала, что её начинает мутить, и на нетвердых ногах побрела спать.

Утром Елена проснулась рано, её разбудили вороны, кружившиеся над старым громадным вязом в центре двора и оравшие дурными голосами. Признаки похмелья были налицо — головная боль, жажда, распухший сухой язык, непередаваемо-омерзительный вкус во рту — как будто она всю ночь сосала грязную, липкую медную ручку. "Удивительно неэстетичное состояние, — подумала Елена, — С кем это я вчера так?" Вспомнив нелепый вчерашний вечер, она охнула, вскочила, натянула на себя джинсы, вылетела в коридор и заглянула в соседнюю комнату. Её гость спал на узком диване. Он лежал на спине и дышал открытым ртом, одна рука свешивалась на пол. Елена попятилась в коридор, стараясь не скрипеть половицами, и отправилась умываться, опохмеляться и варить кофе.

В кухне что-то изменилось. Коньячная бутылка была пустой, окурки в пепельнице чужие — без фильтра, огрызок конфеты исчез. Елена стояла у плиты и напряженно следила за кофе, стараясь поймать начало кипения и вовремя выключить газ.

— Здравствуйте! — услышала она за спиной хриплый и смущенный голос. — Мы, кажется, не познакомились вчера. Меня зовут Евгений.

— Елена, — ответила Елена, со всей возможной церемонностью протягивая руку. В это время кофе выкипел на плиту, и утренние кухонные ароматы сменились горелой вонью.

Вот так Женя и появился в Елениной жизни, но странным было не это, а то, что у них совершенно не оказалось общих знакомых, ну буквально ни одного человека.